

Иллюстратор — Анна Крымова

Цикл «Небесная музыка»

Небесная музыка. Луна

Небесная музыка. Солнце

Цикл «Музыкальный приворот»

Музыкальный приворот

По ту сторону отражения

На волнах оригами

На крыльях

Его фанатка

Только с тобой. Антифанатка

Цикл «Мой идеальный смерч»

Мой идеальный смерч

Игра с огнем

За руку с ветром

Цикл «Северная корона»

По звездам

Против ветра

Цикл «Мы — искры»

Белые искры снега

Красные искры света

Волшебные искры солнца

Горящие искры сердца

Цикл «Сны и страх»

Кошмарных снов, любимая

Твой страх самый сладкий

Моим друзьям

Пролог

На уступе скалы, пред которой блестела под заходящим южным солнцем морская гладь, стояли двое: темноволосый загорелый юноша в коротком хитоне с одним рукавом и девушка в синем гиматие¹ до середины икр, волосы которой были собраны узлом на затылке. Он обнимал ее, а она положила голову ему на грудь. Видно было по одежде, что эти двое занимают разное положение, но все же и это не помешало им вместе наблюдать за закатом над чужим морем. Удивительным закатом, алым, торжественным, раскинувшимся на полнеба, последним.

Янтарное солнце обжигало горизонт, оставляя в покое вздохнувшее с облегчением море, с которого теперь отдавало прохладой. Редкие слоистые облака растянулись багровыми потеками. Казалось, небо пролило в воду кровь, и она растворялась теперь в тихих волнах и лизала вместе с ними неподвижную глыбу скалы. Весь берег Понта Эвксинского² замер, затих, притаился, подавленный таким величием неба. Даже ветер вдруг унялся. И только кружила под красным полотном зарева большая черная птица.

— Море беспокойно, — произнесла девушка, сильнее прижавшись к юноше. Он успокаивающе провел рукой по ее спине.

— Разве? — спросил ее спутник и поцеловал в висок. — По-моему, оно тихо. Или ты заката испугалась?

— Понт Эвксинский зря переименовали. Понт Аксинский ему больше подходит. Спокойствие этой воды обманчиво. Кажется, оно ласково, а в следующую минуту уже чернеет, — с опаской глядя вниз, на отраженное

¹ Древнегреческая верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

² Древнегреческое название Черного моря, переводится как «гостеприимное море». Первоначально звалось Понт Аксинский, что значило «негостеприимное море», но после освоения его берегов колонистами было переименовано.

в глубоких водах небо, произнесла девушка. Тот, кто обнимал ее, проследил за ее взглядом и тоже наблюдал теперь за покрасневшим морем.

— Не бойся. Я же с тобой, — отвечал он мягко, желая успокоить спутницу. — И не поднимется такой волны, что достанет до этой скалы и сметет нас.

— Это такая несправедливость, — вдруг проговорила девушка. Она отстранилась и взяла юношу за обе руки, глядя в глаза. — Почему, если ты и я любим друг друга, мы не можем быть вместе? Почему? Скажи мне.

Она сжала его ладони своими.

— Не гневи богов, — мягко попросил он. — Значит, так должно быть.

— Но почему так должно быть?

— Не знаю. Это испытание свыше.

Черноволосый коснулся ее губ своими, и девушку окутала такая щемящая нежность, что на ее глазах вдруг появились слезы.

— Я не хочу такого испытания, — горько произнесла она, прежде чем запустить обе руки в черные жесткие волосы юноши и полностью отдаться чувствам, дарящим болезненное наслаждение.

«Твои испытания я возьму себе», — подумал тот, прижимая спутницу к себе и касаясь осторожно, почти с благоговением.

Они были настолько заняты друг другом — сначала созерцанием, потом прикосновениями, поцелуями, что не видели позади себя человека, притаившегося в тени камней. А вот он их видел и слышал прекрасно. И каждое их слово было для него ударом. Удар за ударом наносили юноша и девушка тому человеку, не ведая этого. Но он чувствовал не боль — ярость наполняла его, не давая другим чувствам завладеть сердцем.

— Как хорошо, что нам сегодня удалось убежать, — произнесла наконец девушка, нанося последний, смертельный удар. Они хитростью покинули город — сестра и верный слуга помогли, зная, что в этом месте их никто не найдет. Слуга поможет и вернуться обратно, в дом, в котором остался ненавистный муж.

— Однажды мы навсегда убежим. Потерпи немного, — сказал юноша весело. Темные глаза его блестели.

Их пальцы переплелись, и подул ветер. Волны становились все больше, и все неистовее бились они о скалы и кровавой пеной лизали песчаный берег.

Солнце почти скрылось за горизонтом. Большая птица что-то гортанно прокричала.

Сейчас человек выйдет из тени и все начнется.

* * *

Петр, как и всегда, внимательно управляя своей фиолетовой спортивной машиной, быстро подъезжал к дому Смерчинских. Ему необходимо было прямо сейчас забрать кое-какие документы, которые оставил ему дядя, отец Дэна, и отвезти их деду. Даниил Юрьевич должен был вот-вот появиться в городе, и ему эти документы требовались невероятно срочно — решался какой-то важный вопрос о партнерстве с крупной забугорной компанией. А если глава семьи Смерчинских считал его важным, это значило, что речь идет об очень и очень приличных деньгах.

— Бери и срочно вези ко мне, — говорил Даниил Юрьевич по телефону грозным и одновременно деловитым голосом человека, не только привыкшего раздавать указания, но и требовать безукоризненного, четкого и быстрого их исполнения. — Лера знает, где они лежат. Передаст их тебе. Я ей уже перезвонил. Это важные данные, от них зависит большая сделка. Потеряешь или опоздаешь — я исключу тебя из списка наследников. Я не шучу, мальчик мой. Все уяснил? Ты и так много косяков в последнее время сделал.

— Я все сделаю, не беспокойся, — ответил внук и почти сразу же вышел из квартиры и сел в машину.

Он решил совместить приятное с полезным. Он забрет не только документы, но и поговорит со своим братцем, чтобы найти беглянку по имени Лидия, которая так его заинтересовала. До этого у Петра были большие напряжения как с Даниилом Юрьевичем, так и с Мартом и его криминальной компанией, и времени на девушку совсем не было. Однако Петр умел откладывать дела на потом, да и ждать он тоже умел. Этот парень никогда не сравнивал себя с диким хищником-одиночкой, но считал, что у братьев наших меньших можно учиться. Например, терпению. Всегда нужен подходящий момент, чтобы напасть и забрать свое.

А эта малышка Лида, назвавшая его хорошим, насколько он помнил, учится вместе с девчонкой Дениса. Раз так, то младший братик сможет найти ему, Петру, адресок и телефончик высокой брюнетки. Честно говоря,

парню в очках не слишком хотелось просить о помощи двоюродного брата, но ему было влом да и некогда приехать в университет и выяснять информацию об этой Маше Бурундуковой. Через Дэна все должно было получиться гораздо быстрее. А гордость... О какой гордости может идти речь, если на кону личная выгода?

Да, он точно отыщет глупую Лиду и пообщается с ней еще немного. Покажет, что никакой он не хороший. Пока что спокойный и выдержанный Петр не торопится в поисках — как говорилось выше, он был занят, а девчонка вряд ли сможет убежать куда-либо. Из города точно никуда не денется, и для нее будет большим сюрпризом увидеть Петра у себя на пороге.

Смерчинский все еще очень хотел, чтобы она, высокая и кажущаяся сильной, но такая слабая и беспомощная, оказалась рядом с ним (а лучше — под) на удобном диванчике в его кабинете. Прерванный разговор нужно продолжить.

Осторожно — из-за лежащего полицейского — он повернул на пустую дорогу, ведущую к гордо возвышающемуся над местностью жилому комплексу, в котором жили брат и дядя. Петр был вполне доволен жизнью, планируя забрать документы и отвезти их деду, и подпевал негромко, но вполне мелодично известному джазовому певцу, пока около небольшой темной аллеи через проезжую часть — прямо ему наперерез! — не кинулся какой-то парень. Смерчинский едва сумел нажать на педаль и затормозить перед ним, выругавшись.

— Самоубийца? — открыл окно Петр, окидывая злобным взглядом идиота в спортивном костюме: лохматого, худощавого, с рассеченной губой и широко открытыми глазами, под одним из которых наливался синяк. Этот парень тотчас напомнил ему молодого гопника из подворотни. Петр оказался недалеко от истины — это был один из тех пятерых, которые должны были по приказу Ника избить Дэна. Именно он попросил у Смерча закурить и был отправлен им в нокаут. Он был самым младшим в компании и, наверное, самым неиспорченным. И не смог бросить умирающего человека и вернуться.

— Проваливай с дороги, — велел Петр, держа себя в руках. — Или я сейчас выйду, и тебе будет несладко.

Парень его не послушал. Наоборот, пристал с глупой просьбой:

— Слушай, брат, помоги, там человеку плохо, его того... избили. Надо бы «скорую» вызвать, а у меня мобила села!

Он заикался и был настолько нервным, что казался то ли пьяным, то ли под кайфом.

— Прости, я тороплюсь, — сказал Петр равнодушно.

Ему было все равно, и он просто завел машину.

— «Скорую» вызови!

От этого окрика Петр поморщился и обогнул придурка.

— Стой! А если бы там твой брат был или отец! — зорал парень вслед. — Придурок! Вызови «скорую» и проваливай!

Петр услышал эту фразу, вновь остановился, проехав пару метров, и высунулся в окно.

— Ты меня развести хочешь? Мальчик, не зарывайся. Не знаешь, с кем связался.

— Там реально раненый человек! — ткнул рукой в сторону аллеики парень. — Сходи посмотри, раз не веришь! Или просто вызови «скорую» и проваливай!

Петр только ухмыльнулся — идти непонятно куда в темноте он не собирался. Может быть, в кустах сидят подельники этого придурка, которые только и ждут очередного доверчивого лоха.

— О'кей, вызову, — равнодушно сообщил он, не собираясь выходить из машины. Однако не успел этого сделать — услышал вдруг музыку. Ритмичную, яростную. Знакомую. Один из треков рок-группы «На краю». Удивительно, но музыкальные вкусы у братьев совпадали, и Петр, как и Дэн, слушал и рок, и метал, и индастриал, и даже панк.

Петр прислушался.

Та музыка, что играла сейчас, стояла на звонке у Дэна. А Лера, которой вежливый Петр как раз недавно звонил, предупреждая о том, что заедет, обмолвилась, что ее сыночек поперся в супермаркет. Ближайший супермаркет находился как раз за этой драной аллеикой.

В голове Петра тут же выстроилась нехитрая логическая цепочка. И эта цепочка ему не нравилась. Недолго думая, он вылез из тачки и, ошарашив своим поведением парня, почти бегом направился к аллеике. Дурное предчувствие не покидало его.

Брата Петр нашел почти сразу.

Это и правда был его телефон — прямо-таки захлебывался звуками тяжелого рока и сильным голосом солис-

та, кричащего что-то о несправедливости, ярости и зло-сти богов. Неподвижно Дэн лежал в кустах на боку.

Увидев его, Петр похолодел. Поправил очки на пере-носице. Резким движением провел рукой по волосам. Ок-ликнул Дениса. Тот не реагировал.

На мгновение у Петра промелькнула мысль, что это не его брат. Но когда он опустился на колени рядом с те-лом, тотчас понял, что это действительно Дэн. Тот, кото-рого он терпеть не мог с самого детства. Тот, кто отобрал всю его удачу. Тот, кого иногда хотелось придушить. Тот, в ком текла та же кровь, что и в нем самом.

Его младший брат.

Его ярко-оранжевая футболка была в крови. Все вок-руг было в крови. И асфальт, и рука Дэна, которой тот за-жимал рану на животе. Петра пронзил какой-то живот-ный ужас, и он вдруг понял, что его пальцы дрожат.

— Эй, Денис! Денис! — Он стал трясти брата за плечо. — Вставай! Хватит притворяться, и вставай. Вставай!

Тот не реагировал.

— Говорю же — он в отключке! — выкрикнул парень, тот, который просил помощи.

— Заткнись.

С трудом взяв себя в руки, Петр проверил пульс — он был слабым, но все-таки был, и осторожно повернул го-лову брата к себе. В слабом свете уличных фонарей он за-метил, что Дэн мертвенно бледен, а темно-серая тень от длинных ресниц только подчеркивала эту болезненную бледность.

— Я же сказал, его...

— Я же сказал — заткнись.

Нужно было наложить давящую повязку — брат поте-рял слишком много крови и, возможно, не продержится долго.

— Неси аптечку! — крикнул он чужим голосом пар-ню. — Из моей машины. Быстрее!

Пока тот бегал до машины, Петр вызвал «скорую» и отбросил телефон прямо на асфальт.

— Если ты подохнешь раньше меня, я тебя убью, — говорил он, не осознавая, как глупо звучит его фраза. — Я реально тебя убью. Только попробуй не открыть глаза. Понял меня?.. Понял?

Ледяными пальцами он сжимал запястье Дениса, словно это могло ему помочь.

До того Петр Смерчинский никогда не думал о том, что кто-то из его близких может умереть раньше его самого.

И теперь ему было страшно.

* * *

«Скорая» приехала на удивление быстро — пара минут, и вдалеке послышалась встревоженная сирена. И только тогда Петр облегченно вздохнул. Он ненавидел беспомощность и злился. Только вот оказалось, что страх — это еще более сильная эмоция, которая перебивала все остальные и заставляла мыслить не так ясно, как он привык.

— Эй, как там тебя? — обратился он глухо к гопнику, маячившему рядом.

— Саня.

— Саня, приведи их сюда, живо, — приказал Петр. — Они сейчас подъедут.

Тот мигом кинулся исполнять приказ-просьбу. Саня был перепуган — боялся, что чувак, которого они с пацанами хотели избить, откинет копыта прямо здесь и прямо сейчас. Становится убийцей он не хотел. И думал: зачем он вообще связался с Герой?

Гера еще со вчерашнего вечера собирал парней — чтобы выполнить указание Никки и избить одного типа. Позвал и его. Парень по кличке Дикий случайно попал в их компанию, был чьим-то хорошим корешем, и ему срочно нужны были деньги. Понятно, для чего — он оказался нарком. Его накрыло, и он порезал парня. Гера был в бешенстве, остальные тоже оказались не рады такому повороту. Кому охота отвечать за мокруху?

Когда пацаны запрыгнули в тачку, грозились белого как мел Дикого просто урыть, а тот только ржал, как псих, и показывал куда-то пальцем. Типа, за ним идет какая-то телка то ли в шляпе, то ли в вуали. А Саня не понимал, почему они убегают и оставляют человека умирать. Когда-то давно кто-то оставил умирать его отца, который скончался от кровопотери. Саня не мог оставить это просто так.

Они проехали пару остановок, и он попросил остановиться — сказал пацанам, что здесь живет друган. Парни поверили, и Гера отпустил его, приказав отсидеться у этого самого другана. Саня вышел и бегом бросился обратно к аллее. По дороге дрожащими пальцами стал звонить

в «скорую», но телефон разрядился. Поэтому он и стал ловить машины — пара из них проехала мимо, поэтому к спортивной «Мазде» он бросился наперерез, как будто бы его кто-то подтолкнул на это.

Саня привел врачей к раненому. Парень из крутой «Мазды» — Саня мог только мечтать о такой тачке! — так и сидел рядом с раненым и говорил ему что-то. Оказалось, что они — братья.

— Так, молодой человек, отойдите подальше, — велела женщина-врач. — Мне нужно осмотреть раненого.

Петр поднялся и отошел. Лишних вопросов не задавал, только пристально наблюдал за действиями медиков.

Врач склонилась над Дэном, быстрыми движениями проверила пульс, реакцию зрачков на свет, внимательно осмотрела рану, покачала головой, но сказала, что реанимация не нужна, но парня надо срочно доставить в хирургическое отделение. Она что-то тихо сказала двум молчаливым, сосредоточенным фельдшерам, те что-то также негромко ответили.

— Хорошо... Хотя, что тут хорошего?.. Жалко парнишку, хорошенький такой. Грузим его, ребята, — командовала врач фельдшерам.

— Я с вами, — тоном, не терпящим возражения, сказал Петр. — Этой мой брат.

— В кабину.

— Куда едем?

— БСМП, — коротко отвечала врач. — Ближе всего.

Неподвижного Дениса осторожно подняли на носилки.

— Я пойду? — спросил Саня, теребя рукава спортивного костюма.

— Проваливай, — сквозь зубы выдавил Петр, которому не было дела до незнакомца, однако, прежде чем скрыться в «скорой», он вручил Сане свою визитку: — Позвони завтра. Отблагодарю.

— Ага... Вы правда братаны? — спросил тот.

— Нет, мы веселые сестрички, — с этими словами Петр залез в автомобиль. Дэн лежал на спине, очень бледный, с посережшими полуоткрытыми губами, с почти не вздымающейся грудью.

«Черт, дед теперь меня точно наследства лишит», — подумал отстраненно Петр, вспомнив, что забыл эти самые важные документы, которые следовало бы забрать. Он перевел взгляд со своей перепачканной кровью одеж-

ды на брата, над которым склонилась врач. Взгляд ее и без того усталых глаз становился все более и более обеспокоенным.

— В хирургию? — вновь коротко спросил Смерчинский.

— Да. На переливание его, срочно.

— Выживет?

— Если в пробку не попадем, — было ему насмешливым ответом. Петр юмора не оценил, но ничего не сказал.

Саня проводил машину с мигалкой облегченным взглядом, сжимая одной рукой визитку, а другой, даже не замечая этого, касаясь груди — того места олимпийки, под которым был спрятан крестик. Серебро на коже словно накалилось, обжигая ее — всего лишь на пару мгновений, зато ощутимо.

Кажется, он все сделал правильно.

* * *

В этом месте казалось, что реальность существует отдельно — где-то одновременно близко и далеко, вне пределов пространства и времени. Казалось, так было всегда, и ничего другого не существовало.

Дэн был здесь один.

На огромном широкоформатном экране в темном зале кинотеатра показывали внеплановый фильм: сначала он был черно-белым, изображение его рябило и изредка пропадало, а звук шипел и не всегда был понятным. Но ситуация менялась. Чем ближе Денис приближался к экрану, тем более ярким и цветным становилось изображение, четче и громче слышался звук. Когда он, не сводящий глаз с происходящего на экране, оказался в первом ряду, то изображение стало объемным, словно он надел 3D-очки, а звуковая дорожка плавно и нежно, словно морская волна, переместилась в его мысли.

Дэн остался сидеть впереди и, слегка запрокинув голову, жадными большими глазами невыросшего ребенка смотрел вперед, как любитель хорошего кино на редкие, никому не известные кадры самого Хичкока. Правда, то, что показывал этот кинотеатр, не имело ничего общего с фильмами «короля ужасов», а скорее походило на романтическую красивую ленту.

Бело-голубая комната, очень светлая и большая, с огромными открытыми окнами, выходящими на чудное лазурное море и зависшие над ним белоснежные облака, похожие на причудливые узоры зубной пасты, которую

какой-то шутник выдавил из тюбика прямо на небо. Посреди комнаты возвышалась кровать с высоким пологом, и тонкие прозрачные шторы цвета светло-лилового лотоса, обрамляющие кровать у изголовья и в ногах, колыхались в такт южному приветливому ветру. Под ними, дружно вдыхая морской свежий аромат и запах друг друга, находились двое, еще не самодовольные взрослые, но уже и не беспечные дети. Им было лет шестнадцать-семнадцать, не больше: темноволосый, без преувеличения красивый парень с голым загорелым торсом и тонкая светловолосая девушка с обнаженными плечами, закутавшаяся в легкую белую простыню. Он лежал на животе, подперев подбородок руками, и болтал ногами в воздухе, а она сидела рядом, согнув колени и повернувшись к нему лицом, и расчесывала влажные после душа волосы.

Они смотрели друг на друга как замороженные, и какое-то время комнату наполнял лишь легкий шепот моря и далекие крики чаек.

Парень нарушил тишину первым:

— Инн?

— Что?

— Ты не жалеешь?

— О чем? — она отложила расческу и перебросила мокрые волосы за спину. Большие чистые голубые глаза ожившей куклы-модницы со смехом посмотрели на молодого человека. Камера на несколько секунд наехала на ее лицо, давая возможность сидящему в зале Дэну рассмотреть его, как следует.

— О нас.

— Нет. А надо?

— Не надо, — парень резво поднялся и сел рядом. Видно было, что он остался доволен ее ответом. — Хочу на море. В воду. Пойдем?

— Пойдем, подожди немного. А! Я хотела спросить. Мой мишка...

— Что? — подался вперед с живым интересом собеседник светловолосой девушки.

— Мне всегда было интересно... — на тонком миловидном личике появилась коварная улыбка.

— Ну, говори же!

Она провела тонким загорелым пальчиком по его шее, на которой была вытатуирована замысловатая черно-зеленая вертка ящерица.

— Откуда это у тебя?

— Не помню точно, — честно признался парень, ласково глядя на девушку. — В позапрошлом году Черри решил прикольнонуться и напоил меня. Сильно. Нереально сильно. А потом, кажется, мы оказались в тату-салоне. Втроем, с нами еще Ланде был. У Черри появились новые наколки на руке, у меня, — он мимоходом коснулся своей шеи указательным пальцем, — здесь, а у Ланде... У Ланде... — Парень замолчал и, не выдержав, задорно засмеялся, словно вспомнил неприлично-забавное.

— Где? — потрясла его за плечо Инна. — Я не видела у него тату! Где? Ну, где? Скажи-и-и, Смерчик!

— Ты и не должна видеть ее, — в голос расхохотался парень. — А если бы видела, — тут он близко наклонился к ее лицу и сузил синие, как то самое море, глаза, — если бы видела, я бы тут же принял тебя ревновать к нему!

— Вот как? Так где у него татуировка? — играя, надула губки девушка. — Ну, ска-а-ажи! Скажи мне где!

— Давай, я лучше скажу «как»?

— Что «как»? — не поняла она.

— Как сильно я тебя люблю, — лукаво предложил темноволосый, притягивая девушку к себе, и она прижалась щекой к его плечу. — Что ты хочешь услышать больше? То, где у Ланде тату или мои слова о любви?

Инна, конечно, выбрала последнее. Она коснулась губами выпирающей косточки на его плече, потерлась щекой. От нее едва уловимо пахло свежестью.

— Идем на море, — поторопил девушку синеглазый. — Иначе придут твои родители или сестренка. Малышка Князь опять начнет...

— Эй, не называй так мою близняшку, — хлопнула его по предплечью девушка. — Она обижается!

— Ладно, ладно, не буду. Даю слово, Инна. Правда.

— Ну, хорошо, я верю. А, Смерчик, Олька сказала, что она с твоим братом ходила на свидание вчера. И сегодня он ее позвал. А еще ее и Черри пригласил...

— Вау, а она не теряется, — рассмеялся парень и лениво сощурился — луч солнца попал ему прямо в глаза. — По секрету, на нее еще Ланде заглядывается. А, помоему, ей просто нравится с парнями играть, твоей сестре. Без обид только. Просто вы такие разные. Одинаковые и разные.

— Оля такая, какая есть. И я не могу ее исправить. Но Микаэля мне жалко. Он такой хороший. Скажи ему, что Оля... не для него, — вздохнула Инна.

— Я думаю, он поймет это сам.

Инна вздохнула.

— Денис, — позвала она. Ее голос стал вдруг печальным.

— Что?

— Почему у меня в голове туман, когда ты рядом? — почти прошептала светловолосая.

— Потому что я крут? У меня тоже туман — во всем теле. И я уже не хочу на море. Моя Лазурная, — прошептал юноша и обнял девушку — крепко, но бережно. А она потерялась кончиком носа о его щеку, первой поцеловала своего любимого. Ей всегда казалось, что его губы имеют ванильный привкус. Поэтому она всегда выбирала ванильные духи.

Дэн, сидящий сейчас в зале, помнил это, но никогда не говорил своей первой девушке о том, что ненавидит этот запах. Он сидел и, не мигая и сцепив до боли пальцы рук, глядел на экран: на нее, на себя. На них.

Тогда все было так... иначе. И море шумело ласково.

В тот вечер лучи заходящего за горизонт солнца долго нежились на их спинах.

Камера сместилась вправо, к распахнутому окну, небо в котором начинало озаряться пока еще бледными мазками красно-оранжевого заката, а потом быстро ушла вниз. И последним, что видел Смерч, была белая тонкая простыня, плавно упавшая на пол.

После этого кто-то нажал на «стоп-кадр» и изображение остановилось.

— Эй, верните фильм! — крикнул Смерч в пустоту, и его голос эхом отразился в зале. — Включите его вновь!

— Зачем тебе возвращать его, Денис? — спросил приглушенный девичий голос рядом. Такой же, как в романтическом фильме, только куда более печальный. Парень вздрогнул и резко перевел взгляд влево. Через проход, на соседнем первом ряду, сидела высокая тонкая девушка с длинными, по пояс, распущенными светлыми волосами. Лица ее почему-то не было видно, а одета она была в белое простое платье, кажущееся подвенечным, а на голове красовался простой венок из ромашек. Однако, не смотря на это, он узнал ее.

— Ты?.. — не веря, прошептал Денис, больше не чувствуя сердца, и вскочил. — Ты... это ты?! Ты пришла ко мне? Инна?

В его голосе слышались и давняя, глубокая, как Марианская впадина, боль, и животный страх, и дикая нена-